

Н.М.ИЛЬЧЕНКО, доктор филологических наук, профессор, НГПУ им. К.Минина, ilchenko2005@mail.ru

БАЙРОНИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» И «РУССКОГО СКИТАЛЬЦА» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

N.M.Ilchenko

BYRONIC CHARACTER AND THE SINGULARITY OF FORMING OF THE IMAGES OF “A SUPERFLUOUS PERSON” AND “A RUSSIAN WANDERER” IN NATIVE LITERATURE

Рассматривается актуальная тема, связанная с проблемой национальной идентичности. Показана многоликость «русского байронизма» и роль байронического героя в идеологической борьбе XIX века. Данный подход позволяет выделить особенности формирования и распространения двух типов героев в отечественной литературе – «лишнего человека» и «русского скитальца».

Ключевые слова: образ, тип героя, поэтика, литературный диалог, переходная эпоха.

The article deals with the topical subject related to the problem of national identity. The richness of “Russian Byronism” and the role of Byronic character in the ideological struggle of XIX century are described. This method helps to identify the singularity of forming and development of two types of characters – “a superfluous person” and “a Russian wanderer” in native Russian literature.

Keywords: image, type of character, poetics, literature dialogue, transitional era.

С начала 20-х годов XIX века творчество Д.Г.Байрона становится в России постоянной темой литературно-критических статей, а его жизнь – примером подвига, воплощенного в делах. Английский романтик превратился в знаковую фигуру отечественного историко-литературного процесса и идеологической борьбы.

Диалогу Байрона с русскими поэтами и прозаиками посвящено много исследований [1]. Однако в последнее время констатируется факт «поразительного пренебрежения» к поэзии Байрона [2]. Между тем влияние художественного мира Байрона в России XIX века было огромным. Необходимость в появлении обобщающих исследований, посвященных восприятию Байрона, была отмечена на сессии, приуроченной к 200-летию со дня рождения великого романтика [3].

Характерной особенностью периода русской жизни, когда происходит наиболее активное восприятие романтизма Байрона и созданного им героя, стало осознание, что Россия находится на перепутье. В.Н.Майков, характеризуя переходные эпохи, выделяет следующие особенности: «мысль, одушевляющая период, начинает изнемогать, истощаться в содержании... общество утомляется той точкой зрения, с которой смотрело на вещи в течение этого периода... партии, образовавшиеся под влиянием духа времени, начинают распадаться...это... - миг всеобщего раздумья, всеобщей самостоятельности, всеобщего порыва к обнаружению своей личности» [4]. В этих условиях байронический герой оказывается наиболее востребованным.

Новый тип героя был зафиксирован А.С.Пушкиным в «Кавказском пленнике», «Цыганах», «Евгении Онегине», «Выстреле». Существует огромная критическая литература об особенностях выстраивания диалога Пушкина и Байрона. Здесь важно учесть прежде всего реакцию современников. Так, в 1828 году С.П.Шевырев и И.В.Киреевский пишут статьи, в которых сопоставляют героев Байрона и Пушкина, подчеркивая оригинальность, самобытность русского поэта: в «Цыганах» выделяется «борьба между идеальностью

Байрона и живописною народностью поэта русского» [5], «противоречие двух разноголосных стремлений: одного самобытного, другого байронического» [6]. При этом важно подчеркнуть, что называя характер Онегина «однородным с характером байронического героя», И.В.Киреевский полагает, что «время Чильд-Гарольдов, слава богу, еще не настало для нашего отечества: молодая Россия не участвовала в жизни западных государств, и народ, как человек, не стареется чужими опытами... нам дано еще надеяться – что же делать у нас разочарованному Чильд-Гарольду» [6, с.52]. По Киреевскому, молодая Россия еще не доросла до байронического типа: Онегин равнодушен к окружающему, «но не ожесточение, а неспособность любить сделали его холодным... он не завлечен был кипением страстной, ненасытной души... Он также бросил свет и людей; но не для того, чтобы в уединении найти простор взволнованным думам» [6, с.52]. Кстати, А.С.Пушкин афористично высказал сходную позицию: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы».

Однако В.Г.Белинский вскоре высказывал другую позицию о собирательном типе героев, представленных русским поэтом: «Не Пушкин родил или выдумал их: он только первый указал на них, потому что они начали показываться еще до него, а при нем их было уже много» [7].

Дискуссионная проблема формируется уже при жизни Пушкина: поэт воспроизводит тип, сложившийся в контексте отечественного исторического процесса или он возникает на основе книжного облика байронического героя. С одной стороны, Онегин как байронический тип связан с современниками поэта, в качестве основных прототипов пушкинского героя называют П.Я.Чаадаева и Ал.Н.Раевского. С другой стороны, петербургскую молодежь обвиняют в подражательности байроническому герою, проявляя озабоченность, что они начинают играть в книжные роли английского романтика. Кто же с кого берет пример? Несомненно, что именно Петербург связан с увлечением байронизмом. Московская молодежь, если учитывать позицию Пушкина, ориентировалась на немецкую философию, что оказалось чрезвычайно полезным, поскольку спасло ее «от холодного скептицизма» [8]. Формирование московского и петербургского текстов происходит в том числе и через отношение к байроническому герою.

Материалом для анализа стали две светские повести, созданные между пушкинским «Евгением Онегиным» и лермонтовским «Героем нашего времени» – «Маскарад» (1835) Н.Ф.Павлова и «Большой свет» (1840) В.А.Соллогуба. Произведения, созданные, условно говоря «писателями второго ряда», обычно нагляднее представляют процессы, идущие в обществе. Жанр светской повести – разновидность романтической повести (обычно выделяются еще фантастические и исторические повести), в центре которой «оказывается психологическое раскрытие характеров главных героев, различных типов светского общества и совокупного собирательного «лица» света или своеобразной светской атмосферы» [9].

В повести «Маскарад» Павлов запечатлел тип гордого, как тогда называли со слов Белинского, «лишнего» человека. Байроническая составляющая образа главного героя связана с тоской и отчаянием. Автор прямо называет своего героя «англичанином». Тайну разочарования, презрения к свету, душевной черствости героя раскрывает доктор, оказавшийся свидетелем его семейной драмы. В середине 20-х годов XIX в. (Павлов стремится к точной датировке событий: непосредственное действие происходит один вечер в начале января 1834 года, когда герою лет тридцать, а знакомство с доктором произошло лет за восемь до этого) Левин, страдающий от одиночества в светском обществе, находит смысл жизни в любви к милой девушке, которая стала его женой. Однако счастливая семейная жизнь продлилась недолго: его жена простудилась и тяжело заболела. Перед смертью она пытается сжечь письма любовника.

Байронический тип героя в русской романтической повести включал определенные эмоциональные характеристики и свое интонационное выражение. В начале повести он окружен тайной, его воспринимают как «непостижимого человека». «Не подделался ли он с намерением под героев Байрона... Нет, эта мода прошла: надо равняться со всеми, смешно

быть занимательным, потому что наши дерзкие глубокомысленные Наполеоны, наши мрачные рассеянные Байроны – все изуверились, ни у кого не было за душой ни тяжких дум, ни немного отчаяния» [10]. Вслед за Пушкиным Павлов проводит героя по сходным жизненным «ступеням»: Левин отказался от «первой роли на паркете и понял, что свет – «механическое сцепление, фосфор, который светит, а не греет, – тут нечем наполнить жизнь» [10, с. 186], герой не чувствует призвания «запереться уединенно в кабинете и пойти в мученики к какой-нибудь плодотворной идее» [10, с. 186], он не находит полезного дела: «На улице каждый день все та же карета, все то же лицо» [10, с.187]. Если Онегин сначала отвергает мысль о возможности счастья в семейной жизни, то Левин только в семье находит «независимые наслаждения». Лермонтов тоже использует подобную ситуацию: Печорин в любви ищет применения своим недюжинным способностям, однако достижение цели приводит к угасанию чувств. Иначе эта ситуация разрешается в повести «Маскарад». Левин счастлив в семейной жизни, он все продумал, все заранее рассчитал. При этом Павлов подчеркивает, что герой все делает для себя. Пушкин называл это свойство байронических героев «безнадежным эгоизмом» (таковы Гяур, Конрад, Лара и др.). Автор повести «Маскарад» комментирует поведение своего героя следующим образом: «Его не терзали эти желания, требования, замыслы, несоразмерные с способностями, полученными от природы, – отличительная черта нашего века, – следы, оставленные, может быть, Наполеоном и Байроном; он не испытывал на себе этого стремления к какому-то безыменному и невообразимому подвигу; не страдал от этой тоски, от этого сброса мыслей, нахватавшихся отовсюду, растений не по нашему климату и не из нашей почвы, мыслей без корня и без плода» [10, с.185]. Ситуация, подобная этой, представлена в драме Лермонтова «Маскарад», первая редакции ее относится к 1835 году. Не случайно Павлова называют ближайшим предшественником Лермонтова [11]. Писатели работали над одноименными произведениями в одно время (Лермонтов представил драму в цензурный комитет в октябре 1835 года, повесть Павлова была опубликована в журнале «Московский наблюдатель», ч. 3, 1835). Между Арбениным и Левиным много общего: разочаровавшись в свете, они находят цель и смысл жизни в любви к женщине. Однако герои обнаруживают обман: в драме – ложный, в повести – действительный. В результате рушатся надежды героев на возрождение. Примерно одинаково они и наказаны: в одном из вариантов драмы Лермонтов заменил сумасшествие Арбенина отъездом. Последняя фраза повести Павлова звучит так: «Левин уехал куда-то умирать» [10, с.206]. Связь произведений прослеживается и на уровне поэтики. Намеки и предсказания, предостережения таинственной маски, письмо, попадающее в руки главных героев – все это усиливает эмоциональное воздействие драмы и повести.

История «богатого эгоиста девятнадцатого столетия» повести «Маскарад» - очередная попытка анализа характера определенной группы людей светского общества, не нашедших своего места в жизни. Русский, точнее московский (Н.Ф.Павлов – известный в 30-50 гг. XIX в. поэт, прозаик, критик Москвы), вариант байронического героя заключает в себе устойчивые характеристики: одинокий, угрюмый, страдающий, загадочный, но все-таки «растение не по нашему климату и не из нашей почвы». Павлову важно было показать парадигму поведения, связанную с ущемлением чувства: мучительные страдания человека, осознавшего невозможность найти счастье в любви. Страдания тем более усиливаются, что с потерей веры в любовь рушатся надежды на возрождение к жизни.

В русской романтической повести важную функцию выполняют женские образы, с ними связан не только поиск идеала, смысла жизни, но более конкретное желание – создать семью, уединиться, обрести таким образом счастье.

Герой повести В.А.Соллогуба, гвардейский офицер Леонин, прототипом которого называют Лермонтова, становится жертвой интриги: его коварно увлекает блестящая светская красавица, чтобы не допустить его брак со своей младшей сестрой. Графиня Воротынская хочет казаться разочарованной. Она даже произносит речи, разоблачающие светское общество: «Мне свет гадок, неимоверно гадок; мне душно и тяжело»[12]. Между тем под маской страдающей женщины скрывается расчетливая и жестокая интриганка.

Когда-то она отказалась от любимого человека – Сафьева. Он как раз является героем, с которым в основном связан комплекс мотивов байронизма. Прежде всего, он – воплощение духа дендизма. «Опершись у колонны, высокий молодой человек, разряженный со всей изысканностью денди, смотрел довольно презрительно на окружающую толпу; сардоническая улыбка сжимала его уста» [12, с.392]. Бытовой дендизм получил распространение в России в связи с увлечением Байроном. Его характерным признаком является элегантная поза разочарованности. В портретных характеристиках Сафьева это не раз подчеркивается: «высокого роста... с пальцем, заложенным за жилет, в лондонском черном фраке» [12, с.356]. Дендизм становится манерой жизни Сафьева: «Пора мне ехать домой пообедать. У меня вино чудесное, а ростбиф такой, что в Лондоне бы на диво... Я не могу обедать один. Это единственная минута, в которую я имею надобность в людях» [12, с.376]. Поведение Сафьева – своеобразный вызов светскому обществу и изменившей ему возлюбленной. Для нее он – «спутник неотвязный», «вечный упрек, вечный судья, вечная неотвязная тень» [12, с.399-400]. Сафьева боятся, он имеет власть над окружающими, у него острый, озлобленный ум, он по-настоящему разочарован, его скорбь неподдельна.

К байроническому типу относится еще один герой повести Соллогуба – Щетинин: «нередко находила на него хандра неописанная. Тогда догадывался он, что в дружбе друзей его промелькивала зависть; что в приветствиях молодых девушек скрывалась тайная мысль о выгодном женихе; что светские дамы заманивали его в свои сети, потому что он в моде.... Тогда голова его склонялась от пустоты и усталости; тогда хватался он за грудь и чувствовал, что в ней билось сердце, созданное не для шума и блеска, а для жизни иной, для высшего таинства, - и тяжело ему было тогда, и хандра налагала на него свои острые когти» [12, с.371]. От хандры Щетинина спасает любовь к Наденьке – «полужемному существу», которое «будто слетело с полотна Рафаэля, из толпы ангелов, и смешалось с цветами весны» [12, с.372]. Романтический конфликт героя с окружающим миром в данном случае счастливо разрешается: под влиянием Наденьки в Щетинине проявляются человеческие качества. Однако «свет» не меняется, и младшая сестра Воротынской легко вписывается в его жизнь.

Для русских байронических героев, относящихся к типу «лишнего» человека, очень важной оказывается земная любовь к женщине: с ней они связывают назначение человека. Этот вариант был продуман героем Павлова, но оказался разрушенным из-за неверности жены, в которой он тоже видел ангела; графиня Воротынская когда-то предпочла человека высшего света армейскому майору Сафьеву, а брак Щетинина и Наденьки преподносится с нескрываемой иронией.

Байронический герой светских повестей вписывается в типологию героев, охарактеризованных Н.А.Добролюбовым в статье «Что такое обломовщина?»: Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин и Обломов – как завершающий образ. «Давно уже замечено, что все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Вследствие того они чувствуют скуку и отвращение от всякого дела» [13]. Добролюбов отмечает, что «типы, созданные сильным талантом, долговечны», «в общественном сознании все они более и более превращаются в Обломова», но иначе «могли бы развиваться при других обстоятельствах» [13, с.89].

«Другие обстоятельства» существовали: в байроническом герое русского варианта были не только характеристики, связанные с разочарованием индивидуалиста, с ситуацией «сильной натуры, задавленной неблагоприятной обстановкой». Существует еще одна типологическая линия байроническая героя, которая в последнее время актуализируется: Онегин не только предшественник Обломова, но и предшественник Ставрогина. Герой пушкинского романа, как и герои поэм, Алеко и Пленник, как Сильвио из «Выстрела», символизируют не только определенную эпоху, незаурядную личность, которая не может найти применения своим силам, но – демонологического героя, определяется среди других (готической, французской) и байроновской традицией. Один из основных мотивов, связанных с образом Онегина, – мотив маски. Своеобразный риторический вопрос

поставлен в письме Татьяны: «Кто ты, мой ангел ли хранитель, / Или коварный искуситель...» [14]. В лирическом отступлении после объяснения в саду звучат слова: «Любовью шутит сатана» [14, с.72]. После чтения в кабинете Онегина Татьяна размышляет о своем избраннике: «Чудак печальный и опасный, / Созданье ада или небес, / Сей ангел, сей надменный бес, / Что ж он?» [14, с.127]. Татьяна склонна видеть в Онегине «коварного искусителя»: «Ужель загадку разрешила? / Ужели *слово* найдено?» [14, с.128]. В восьмой главе в лирическом отступлении перед появлением Онегина ему дается среди прочих определение «сатанического уroda» [14, с.144].

С мотивом маски «надменного беса», «сатаны», «коварного искусителя», «сатанического уroda» и др. связан мотив «чужого». Для Татьяны Онегин – «чужих причуд истолкованье» [14, с.128], и «для всех он кажется чужим» [14, с.142]. А в письме к Татьяне Онегин сам заключает: «Чужой для всех» [14, с.153].

Инфернальность Онегина подчеркивается через взгляд, сближающий его, прежде всего, с героями Байрона и готических произведений, а не с фольклорными представлениями об «окаянном». Герой романа появляется перед Татьяной, «блистая взорами»: «Стоит подобно грозной тени, / И, как огнем обожжена, / Остановилась она» [14, с.65].

В вещем сне Татьяны «Онегин, взорами сверкая», внушает героине страх [14, с.91]. Строки, в которых говорится о предстоящей дуэли, тоже включают описание взгляда Онегина: «И дико он очами бродит» [14, с.92].

При восприятии Татьяной во сне Онегина звучат слова: «Кто мил и страшен ей» [14, с.90]. При последней встрече с Онегиным она вспоминает прошлое и снова использует это слово: «В тот страшный час» [14, с.159].

Данные характеристики легко применимы к лермонтовским героям, к Сафьеву из «Большого света» В.А.Соллогуба, но определяющими они становятся в русской романтической фантастической повести, которая развивается параллельно светской – «Уединенный домик на Васильевском» Пушкина и В.П.Титова, «Перстень» Е.А.Боратынского, «Кто же он?» Н.Мельгунова. В «Искусители» М.Н.Загоскина даже появляется лорд Байрон, он оказывается главным агентом дьявольского барона Брокена [15]. Характеристика этого типа дана в Пушкинской речи Достоевского: «Тип этот верный и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей русской земле поселившейся. Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор свое скитальчество и еще надолго, кажется, не исчезнут» [16]. Логическим завершением образа демонического скитальца оказывается герой романа Достоевского «Бесы» – Ставрогин. С байроническим героем здесь связывается комплекс мотивов отчуждения, неограниченного индивидуализма, своеволия и утверждение представление о демонизме, бесовстве как не русском явлении.

Таким образом, байронизм многолик. В разной среде он проявил себя по-своему, но в любом случае байронический герой наполнялся определенным идеологическим содержанием и напрямую связывался с задачей формирования личности.

Выделив в качестве основания типологии байронического героя русской литературы содержательный признак – степень идейной причастности героев отечественных произведений к байронизму – было выделено два типа: «лишний» человек как порождение политической ситуации национальной истории (байронический герой здесь совпал с внутренним явлением); и герой-скиталец, потерявший почву, не только как порождение русской истории, но как герой, пришедший в моду из книжного мира, прежде всего из творчества Д.Г.Байрона (это внешнее явление).

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: Иванов, В.И. Байронизм, как событие в жизни русского духа [Текст] / В.И.Иванов // Иванов В.И. Собрание сочинений – Брюссель, 1971-1987. – Т.4. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин [Текст] / В.М.Жирмунский. – Л., 1978. Бродский Н. Байрон в русской литературе [Текст] / Н.Бродский // Литературная критика. – 1938. – №4. Бэгсби Л. Александр

- Бестужев-Марлинский и русский байронизм [Текст] /Л.Бэгсби. – СПб, 2001. Дьяконова Н.Я. Байрон в годы изгнания [Текст] /Н.Я.Дьяконова. – М., 2007. Люсова Ю.В. Рецепция Д.Г.Байрона в России 1810-1830-х годов. Автореферат... канд. филол. наук [Текст] / Ю.В.Люсова. – Н.Новгород, 2006.
2. Gardner, H. Don Juan // English Romantic Poets / М.Н.Аbrams, ed. – New York, 1975. – P.303.
 3. См.: Великий романтик Байрон и мировая литература. – М., 1991.
 4. Майков, В.Н. Нечто о русской литературе в 1846 году [Текст] /В.Н.Майков // Отечественные записки. – 1847. – №1. – С.1-2.
 5. Шевырев, С.П. Обзорение русской словесности за 1827 год [Текст] / С.П.Шевырев // Московский вестник. – 1828. – №1. – Ч.7. – С.67.
 6. Киреевский, И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина [Текст] /И.В.Киреевский // Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С.51.
 7. Белинский, В.Г. Собрание Сочинений: В 9 т. – М., 1982. – Т.7. – С.375.
 8. Цит по: Благод, Д.Д. Д.В.Веневитинов [Текст] / Д.Д.Благод // Веневитинов, Д.В. Полное собрание сочинений /Под ред. Б.В. Смиренского. – М-Л, 1934. – С.11.
 9. Коровин, В.И. «Среди беспощадного света» [Текст] /В.И.Коровин // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М., 1990. – С.5.
 10. Павлов, Н.Ф.Маскарад [Текст] / Н.Ф.Павлов // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М., 1990. – С.172.
 11. См.: Вильчинский, В.П. Николай Филиппович Павлов. Жизнь и творчество [Текст] /В.П.Вильчинский. – Л., 1970. Трифонов Н.А. Когда же и где родился Павлов [Текст] /Н.А.Трифонов // Русская литература. – 1973. – №3.
 12. Соллогуб, В.А. Большой свет [Текст] / В.А.Соллогуб// Русская светская повесть первой половины XIX века. – М., 1990. – С.360.
 13. Добролюбов, Н.А. Что такое обломовщина? [Текст] / Н.А.Добролюбов // Добролюбов Н.А. Избранные сочинения. – М.-Л., 1947. – С. 82-83.
 14. Пушкин, А.С. Евгений Онегин [Текст] / А.С.Пушкин // Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М.,1981. – Т.4. – С.60.
 15. См.: Вайскопф, М. Черный плащ с красным подбоем: Булгаков и Загоскин [Текст] / М.Вайскопф // Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. – М., 2003.
 16. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф.М.Достоевский. – Л., 1984. – Т.26. – С.129.

© Ильченко Н.М., 2014